

Леонид Крысин

**Слово в современных
текстах и словарях**

«Языки Славянской Культуры»

2008

Крысин Л. П.

Слово в современных текстах и словарях / Л. П. Крысин —
«Языки Славянской Культуры», 2008

Книга посвящена процессам, происходящим в русском языке на рубеже XX—XXI веков. Она представляет собой собрание очерков, объединенных по тематическому принципу. Первая часть книги – это очерки об иноязычных заимствованиях, их свойствах, их взаимоотношениях с исконной русской (или ранее заимствованной) лексикой, их «поведении» в языке, о способах и формах описания иноязычных слов и специальных терминов в современных толковых словарях. Вторая часть содержит статьи, посвященные литературной норме – ее природе, соотношению ее, с одной стороны, с системными возможностями языка, а с другой – с узусом, речевой практикой. Идет речь здесь и о типичных отклонениях от нормы и своего рода «точках роста» среди таких отклонений, то есть явлениях, в которых просматриваются не просто ошибки, а зарождение определенных тенденций развития на том или ином участке литературного языка. В третьей части помещены краткие заметки о словах – об истории их появления в нашем языке, особенностях их формы и значения, сферах употребления, нормативном статусе. Книга предназначена для филологов-русистов, для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов, а также для всех, кого интересует современное состояние нашего языка.

© Крысин Л. П., 2008

© Языки Славянской Культуры, 2008

Содержание

От автора	5
«Свое» и «чужое» в современной русской лексике	6
Читаю газеты	6
«Свое» и «чужое»: о некоторых иноязычно-русских лексических параллелях[3]	10
Иноязычное слово как транслятор иной культуры[10]	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Леонид Петрович Крысин

Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии

От автора

Процессы, происходящие в современном русском языке, многообразны. Это и заимствование иноязычных слов (иногда – неумеренное), и вторжение разговорной стихии в публичные формы речи, и вовлечение в литературное словоупотребление – как устное, так и письменное – лексики из социальных и профессиональных жаргонов. Эти явления требуют, во-первых, лингвистического анализа и, во-вторых, нормативной оценки. Кроме того, не очень прост вопрос о том, как должны отражаться новые явления в словарях, особенно тех, которые имеют статус нормативных.

Некоторые из этих проблем рассматриваются в предлагаемой книге. Она представляет собой собрание очерков, объединенных по тематическому принципу.

Первая часть книги – это очерки об иноязычных заимствованиях, их свойствах, их взаимоотношениях с исконной русской (или ранее заимствованной) лексикой, их «поведении» в языке, о способах и формах описания иноязычных слов и специальных терминов в современных толковых словарях.

Вторая часть книги содержит статьи, посвященные литературной норме – ее природе, соотношению ее, с одной стороны, с системными возможностями языка, а с другой – с узусом, речевой практикой. Идет речь здесь и о типичных отклонениях от нормы и своего рода «точках роста» среди таких отклонений, то есть явлениях, в которых просматриваются не просто ошибки, а зарождение определенных тенденций развития на том или ином участке литературного языка. Весьма показательна в этом отношении языковая игра, при которой происходит сознательное нарушение нормы и мобилизация всех средств, имеющихся в языковой системе, в том числе и «не одобряемых» нормативными регламентациями (некоторые виды языковой игры рассматриваются в очерке, завершающем этот раздел).

В третьей части книги помещены краткие заметки о словах – об истории их появления в нашем языке, особенностях их формы и значения, сферах употребления, нормативном статусе.

«Свое» и «чужое» в современной русской лексике

Читаю газеты

Читаю газеты:

Участники *саммита* пришли к *консенсусу*..;

В *бутиках* – большой выбор одежды *прет-а-порте*...

То и дело мелькают: *имидж* политика, большой *бизнес*, *киллеры*, *путаны*, *наркору-
рьеры*...

Слушаю радио:

– *Вот что* рассказал нашему корреспонденту автор нового *римейка*;

– В США прошли *праймериз*, показавшие значительный *дисбаланс* в *рейтинге* канди-
датов...

Диктор телевидения сообщает:

– Первые *транши* были переведены в *офшорные* зоны;

– *Пресс-секретарь премьер-министра информировал* собравшихся о *перспективах* в
сфере инвестиционной политики государства;

– *Дилеры прогнозируют* дальнейшее падение котировок этих *акций*...

Что за напасть? Почему такое обилие иноязычных слов в наших средствах массовой информации – на страницах газет, в радио– и телеэфире? В последние два десятилетия поток иноязычных, главным образом английских, заимствований усилился, и один из известных русистов назвал его даже не потоком, а потоком [Костомаров 1993]. Общественность не на шутку обеспокоена обилием американизмов в нашей речи, и кое-кто считает, что это угрожает самобытности русского языка.

Попробуем разобраться в том, насколько «законны» многие новейшие заимствования, нельзя ли найти им соответствующие русские замены. Да и сам процесс иноязычного влияния на наш язык – насколько он естественен и необходим, не перешел ли он в последние годы разумных границ? Или, может быть, сетования на засорение нашего словаря «чужаками» преувеличены?

Для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естественен и обычен. Тем не менее, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам – иноязычным словам – носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности: зачем что-то брать у других – разве нельзя обойтись средствами родного языка?

Иноязычное слово нередко ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в середине прошлого века, когда в пылу борьбы с «низкопоклонством перед Западом» велено было писать и говорить вместо *бульдозер* – *тракторный отвал*, вместо *грейдер* – *струг*, игру футбольных команд стали называть не *матчем*, а *встречей*, радиопередачи об этих встречах надо было называть не *репортажами*, а *рассказами*, и т. д. Илья Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» отметил, что даже сыр *камамбер* был в это время переименован в сыр *закусочный* (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 138-141]).

Бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец XX – начало нынешнего столетия, когда возникли известные политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

У всех на слуху разнообразные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты*! и т. п. Многие из них заимствованы давно, но были в ходу преимущественно среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились остро актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Многочисленны термины, относящиеся к компьютерной технике – само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и мн. др., – иноязычные названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсёрфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др. Англицизмы пробивают брешь и в старых системах наименований: так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей всё чаще именуется *овертайм*, игра «на вылет», на выбывание из соревнований одной из двух команд – *плей-офф*, и даже традиционное боец в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

И в менее специализированных областях человеческой деятельности происходит активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики. Достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *имидж*, *презентация*, *номинация*, *спонсор*, *видео*, *шоу* (и их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеосалон*; *шоу-бизнес*, *ток-шоу*, *шоумен*), *триллер*, *хит*, *дискотека*, *диск-жокей* и множество других.

Так что же – надо оправдать употребление всех этих заимствований, признать их вполне «законными»? При ответе на этот вопрос необходим учет ряда обстоятельств, имеющих лингвистическую и социальную природу.

Семантическое и функциональное разграничение иноязычного и исконного слов, синонимичных или близких по смыслу, – одна из причин укоренения заимствования в языке.

В самом деле, не протестуем же мы против употребления слов *паника*, *комфорт*, *рентабельный*, а ведь они некогда были синонимами слов *страх*, *уют*, *доходный*. По мере укрепления этих иноязычных слов в русском языке у них сформировались дополнительные – по сравнению с их русскими лексическими параллелями – смысловые компоненты: *паника* – это не просто страх, а «крайний, неуправляемый страх, сразу охватывающий человека или многих людей», *комфорт* – «условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют», *рентабельный* – «оправдывающий расходы, не убыточный, доходный»¹.

Сходное размежевание «чужого» и «своего» происходит и при освоении новых заимствований. *Имидж* в буквальном переводе с английского означает 'образ', но в современном русском языке это слово имеет более сложный смысл: «представление (часто целенаправленно создаваемое) о чем-нибудь внутреннем и внешнем облике, образе (*имидж политика*; *имидж телевизионного ведущего*)» [Крысин 1998: 266]; слово *рейтинг* (англ. *rating* от глагола *to rate* 'оценивать; определять класс, категорию') первоначально было спортивным термином и обозначало положение спортсмена среди ему подобных, оцениваемое определенным числом баллов, а затем стало употребляться переносно – в значении «степень популярности кого-либо (напр., политика, общественного деятеля), устанавливаемая путем социологического опроса экспертов, голосования ит.п. и определяемая тем местом, которое занимает данное лицо среди ему подобных» [Там же: 597]; *шоу* (англ. *show* 'представление, зрелище; спектакль') – в одном из значений это «яркое эстрадное представление», а в другом, переносном – «нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект» [Там же: 800]; см. также с. 5859 наст. изд.

¹ Определения даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1997); далее – СОШ 1997.

Другая причина укоренения иноязычного заимствования заключается в том, что «чужое» наименование нередко оказывается короче собственного, русского – как правило, описательного, состоящего из нескольких слов. Так в русском языке укрепились заимствования *снайпер* – вместо *меткий стрелок*, *сейф* – вместо *несгораемый шкаф*, *спринтер* – вместо *бегун на короткие дистанции*, в том числе и некоторые совсем недавние: *саммит* (англ. *summit* буквально 'вершина, верх') – вместо (и наряду с) *встреча в верхах*, *ремейк* (англ. *retake* 'переделка') – вместо *новая версия ранее снятого фильма*, *киллер* – вместо *профессиональный убийца* и др.

Как видим, иноязычное слово редко дублирует значение русского – в подавляющем большинстве случаев между ними имеется смысловое различие, на которое накладывается еще и различие функционально-стилистическое: иноязычный элемент часто является термином, а его русская параллель – обычным, общеупотребительным словом. Сравните такие пары, как *бартер* – *обмен*, *дискриминация* – *ограничение (в правах)*, *инвестиция* – *вложение (капитала)*, *консенсус* – *согласие*, *монетарный* – *денежный*, *рента* – *доход*, *ремиссия* – *ослабление (болезни)*, *стагнация* – *застой (в экономике)*, *трансформация* – *преобразование*, *транш* – *доля, часть (платежа)* и т. п.

Как же относиться к невиданной прежде активизации употребления иноязычных слов? Лингвисты уже неоднократно обращали внимание на то, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного.

Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. В словаре-справочнике «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (СПб., 1997) можно найти такие иноязычные слова: *модерантизм* (умеренность в политике), *нивеллятор* (тот, кто нивелирует, уравнивает что-либо), *нотификация* (официальное сообщение, уведомление), *официалист* (чиновник), *экскузация* (отговорка), *эллеферия* (свобода) и другие, которые употреблялись в русском языке XIX века. Сейчас этих слов нет, они исчезли из употребления, хотя в свое время по поводу уместности некоторых из них, необходимости их для русского языка шли жаркие споры.

Подобная судьба ждет и некоторые из нынешних модных американизмов, заимствование которых не оправдано ни семантически, ни функционально. В качестве примера можно привести англоязычные междометия типа *вау*, *унс* или *опс*, которые распространились в последнее время, преимущественно в речи молодежи. Дело в том, что разного рода «коммуникативная мелочь» – союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия – составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускает в свой круг «чужаков»². Так что все эти *вау* и *унс* едва ли займут место наших исконных *ах!* *ой!* *Вот это да!* *Ну и ну!* и других.

Иногда рекомендуют (чуть ли не в приказном порядке) заменять иноязычные слова русскими. Это предложение содержится, например, в одном из пунктов «Закона о русском языке как государственном языке Российской Федерации», разработанного Государственной думой. Искать русские соответствия заимствований, конечно, необходимо, особенно в сферах публичного использования русского языка – в газете, на радио и телевидении, в выступлениях государственных и общественных деятелей: подчас исконное слово лучше передает нужный смысл, чем иностранное. Очевидно, например, что слово *эксклюзивный* дублирует смысл русского прилагательного *исключительный*. Стало быть, надо вывести его из употребления как

² Одни из немногих исключений – заимствованные русским языком междометия *марш!* (первоначально только в языке военных), *алло*, которое представляет собой фонетическое видоизменение английского *hallo(d)*. В их заимствовании была определенная коммуникативная необходимость, поскольку первое пришло к нам вместе с другими военными терминами, а второе – вместе с самим новым видом связи – телефоном. По-видимому, сходные причины объясняют заимствование «театральных» междометий *бис* и *браво*: они вошли в русский язык в составе театральной лексики и терминологии, в большинстве своем иноязычной по происхождению.

сорняк? Но не всё так прямолинейно происходит в нашем языке. Например, нередко осмеивавшееся в прошлом слово *водоём* – прекрасный синоним заимствованного *фонтан*. А чем весьма выразительное и прозрачное по своей структуре слово *окоём* хуже греческого по своим корням термина *горизонт*? Однако судьбе и русскому языку угодно было сохранить иноязычные слова, а не исконные. Тем не менее, поиски русских соответствий иноязычным словам – насущная задача. Не надо только превращать эти поиски в обязательное правило. Иначе мы рискуем вернуться к временам А. С. Шишкова и В. И. Даля, предлагавших *бильярд* называть *шаротыком*, а *тротуар* – *топталыщем*.

«Свое» и «чужое»: о некоторых иноязычно- русских лексических параллелях³

– У вас есть инициатива.

– Без ученых слов, голубчик!

– Нет, позвольте его повторить...

Инициатива. По-русски почин, если вам угодно.

П. Д. Боборыкин. Китай-город

Сологдин повел головою, усмехнулся, скорее неодобрительно.

– Ты ведешь себя не как исчислитель, а как пиит.

Нержин не удивился: и «математик», и «поэт» были заменены по известному чудачеству Сологдина говорить на так называемом Языке Предельной Ясности, не употребляя птичьих, то есть иностранных слов.

А. И. Солженицын. В круге первом

«Судьба словарных заимствований, – писал академик В. В. Виноградов, – относящихся к области общественной жизни или внутренних состояний личности, бывает очень различна. Некоторым из этих заимствований, особенно если они представляются семантически или морфологически неоправданными, приходится выдерживать яростное противодействие со стороны пуристов. Мотивами этой борьбы чаще всего являются или соображения национально-семантического порядка, или ссылки на «строевую» неправильность слова, его ненужность и непозволительность» [Виноградов 1999: 210].

Главный вопрос, которым задается человек, слыша или встречая в тексте незнакомое слово: «Что это значит?». А если к тому же это слово иностранное, то возникает и второй вопрос: «Нельзя ли то же самое сказать по-русски?».

Такие вопросы у носителей русского языка особенно часто возникают в последнее время, когда в нашей речи появляются всё новые и новые слова, заимствованные из других языков, преимущественно из английского (точнее – из его американского варианта). Так, в конце 80-х годов прошлого столетия в наш повседневный язык вошло множество экономических и финансовых терминов, и почти все они – иноязычные по происхождению: *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *инвестор*, *инвестиции*, *консалтинг*, *приватизация*, *тендер*, *фьючерсный* и т. п., позднее к ним добавились *дефолт*, *профицит* и нек. др. Правда, специалистам в области экономики, финансов, банковского дела некоторые из этих терминов были знакомы и раньше. Однако обстановка в стране в это время была такова, что вопросы экономики, товарного производства и товарного обмена, денежного оборота сделались актуальными не только для профессионалов, но и для обычных людей. Некоторые увидели нечто притягательное в безденежном товарном обмене (то есть *бартере*), другие начали прибегать к услугам посредников на биржах (*брокеров*, *дилеров*), третьи не знали, что делать с *ваучерами*, а потом возмущались результатами *приватизации*, все вместе страдали от обрушившегося на страну *дефолта* (то есть отказа государства от принятых на себя финансовых обязательств), и даже *профицит* государственного бюджета (то есть превышение доходов над расходами), о котором начали громко заявлять финансовые деятели, мало кого из простых людей радовал. Иными словами, специальные экономические и финансовые термины вошли в общелитературный язык, замелькали на страницах печати, зазвучали по радио и телевидению.

³ Вариант статьи, опубликованной в сб.: Лингвистическая полифония: Сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой. М., 2007. С. 638-651.

Очевидны причины, по которым все эти экономические и финансовые термины заимствованы русским языком: явления, которые они называют, – результат влияния на нашу экономику распространенных на капиталистическом Западе методов и механизмов экономического и финансового управления. Со второй половины 80-х годов Россия всё больше делается открытой западным влияниям в самых разнообразных областях – политике, торговле, культуре и искусстве, кино, музыке, спорте и, конечно же, в экономике. Вместе с новыми понятиями к нам пришли и новые слова и термины. Можно ли без них обойтись? Можно ли заменить их русскими соответствиями и называть, скажем, *бартер* – обменом, *брокера* – посредником, *инвестора* – вкладчиком?

Попробуем повнимательнее присмотреться к каждому из упомянутых иноязычных слов и обсудить, насколько возможна замена его близким по смыслу русским существительным.

Бартер

Это слово заимствовано из английского языка, где существительное *barter* означает 'мена, меновая торговля; товарообменная сделка; товар для обмена'. Оно вошло в русский язык в качестве специального экономического термина и первоначально регистрировалось преимущественно терминологическими словарями и словарями иностранных слов.

Например, в «Современном словаре иностранных слов», который вышел в 1992 году, основной единицей толкования является словосочетание *бартерная сделка*, после которого, правда, помещено и слово *бартер*, но сам такой порядок толкуемых единиц свидетельствует о том, что слово *бартер* было еще не вполне освоено русским языком. Толкование этому термину дано довольно пространное: «товарообменная сделка с передачей права собственности на товар без денежного платежа (натуральный обмен)». В словаре [Крысин 2005] определение более лапидарное: «*бартер* – товарный обмен (без участия денег)». Во второй половине 90-х годов XX в. этот термин с ограничительной стилистической пометой «спец.» попадает и в общие словари. Например, в [СОШ 1997] читаем: «**БА́РТЕР** [тэ], – а, м. (*спец.*). Товарообменная сделка, натуральный обмен. Получить товар по бартеру. || *прил.* **ба́ртерный**, – ая, – ое. Бартерная сделка».

Словарь [Скляревская 1998] характеризует *бартер* как «относительно новое слово», но при этом описание его содержит многочисленные примеры из прессы, иллюстрирующие употребление слова не только в прямом, «экономическом» значении, но и в переносном, имеющем шуточный оттенок 'сделка; обмен вещами между людьми по взаимному соглашению' (*Предлагаю бартер: за книгу по искусству книгу по кулинарии*).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в одном из цитируемых словарей слово *бартер* не истолковано с помощью какого-нибудь оного русского синонима (например, *обмен* или *сделка*): для точной передачи смысла этого термина требуются уточняющие слова: *товарный, товарообменный, натуральный*. Это значит, что смысл термина *бартер* отличается от значения слов *обмен* и *сделка*: очевидно, что обмен может и не предполагать наличие товаров (ср. *обмен мнениями*), а заключение сделки не всегда связано с товарными отношениями (ср. *биржевая сделка*, а также фразеологизм *сделка с совестью*). Стало быть, если и вести речь о замене иноязычного слова *бартер* своими, русскими словами, то в качестве эквивалента должно быть выбрано не одно слово, а словосочетание (*товарный обмен, товарообменная сделка* и т. п.). В языке же, как известно, действует тенденция к замене неоднословных наименований (то есть наименований, состоящих из более чем одного слова) однословными: *меткий стрелок* = *снайпер*, бегун на длинные дистанции => *стайер*, *несгораемый шкаф* = *сейф* и т. п. Употребление слова *бартер* вместо словосочетаний *товарный обмен без участия денег, товарообменная сделка* вполне соответствует указанной тенденции, и, следовательно, у этого слова есть все шансы сохраниться в нашем языке.

Брокер

Так же, как и слово *бартер*, это слово заимствовано из английского языка, где существительное *broker* значит 'посредник; торговец подержанными вещами'. И это существительное, и образованный путем конверсии глагол *to broker* – букв. 'посредничать, быть посредником' – происходят от формы прошедшего времени глагола *to break* в ныне устаревшем его значении 'быть посредником'. Отметим, что в русском языке есть целый ряд слов, обозначающих разные виды посредничества в товарных, торговых, имущественных, финансовых и иных сделках: сравнительно недавно появившиеся *джоббер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *риелтор* и более давние по времени заимствования *комиссионер*, *прокурис*, *маклер* (а также восходящее к этому слову русифицированное и ныне устаревшее *маклак*; о различиях в их значениях см. в словаре [Крысин 2005], где поиск слов, образующих ту или иную тематическую группу, облегчается наличием в словарных статьях зоны аналогов – слов с близкими данному, но не синонимичными значениями).

Вот как определяется слово *брокер* в словарях иностранных слов и в толковых словарях: «посредник при заключении сделок на биржах; действует по поручению и за счет клиентов, получая от них за посредничество плату в размере определенного процента от суммы сделки» [ССИС 1992]; «посредник при заключении сделок на бирже, специализирующийся по определенным видам товаров или услуг» [Крысин 2005]; «агент, посредничающий при купле-продаже ценных бумаг, товаров» [СОШ 1997]⁴.

Обратим внимание: в первых двух толкованиях используется слово *посредник*, в последнем – слово *агент*, но и то и другое сопровождаются определениями, которые указывают, какой это посредник или агент, каков характер его деятельности: он работает на бирже и получает за свое посредничество плату. Иначе говоря, оказывается, что просто перевести слово *брокер* русским *посредник* или ранее заимствованным *агент* нельзя, недостаточно: в этом случае останется неясным вопрос о том, в чем именно посредничает такой человек и какова его деятельность как агента (сравните такие случаи употребления слов *посредник* и *агент*, в которых оно не может быть заменено словом *брокер*: *посредник на переговорах*, *агент службы безопасности* и т. п.). Стало быть, *брокер* – слово с вполне сформировавшимся, самостоятельным значением. Оно используется в качестве финансового термина не только специалистами⁵, но и в средствах массовой информации, в бытовой речи. Как однословное обозначение соответствующей профессии и лица, исполняющего эту профессию, оно удобнее в употреблении, чем сочетания слов, обозначающие то же самое, но более длинно, громоздко.

Дефицит и профицит

Дефицит – слово, заимствованное русским языком (из немецкого) довольно давно, в первой половине XIX века. Оно имеет два значения, общеупотребительное и специальное: 'нехватка чего-либо' и 'превышение расходов над доходами'. В первом из этих значений слово знакомо нам, особенно старшему поколению, к сожалению, очень хорошо: при советской власти постоянно был дефицит – то продуктов, то товаров первой необходимости... А во втором значении *дефицит* – экономический термин. И в паре с ним экономисты употребляют термин с противоположным значением – *профицит*. Он обозначает превышение доходов над расходами. Неспециалистам второй термин стал известен сравнительно недавно – в связи с тем, что многие проблемы экономики стали обсуждаться не только профессионалами, но и, например, депутатами Госдумы – при принятии очередного годового бюджета. А из их речей термин попал в средства массовой информации. Прав на существование в нашем языке у слова *профицит*

⁴ В [СИС 1933], где этот термин зафиксирован, по-видимому, впервые, он имеет статус «чужака», экзотизма, поскольку снабжен следующим определением: «посредник на английском (выделено мной. – Л. К.) товарном рынке, гл. обр. по продаже импортных товаров, обычно одновременно кредитующий иностранного поставщика».

⁵ Заметим, что в среде специалистов – бизнесменов, экономистов, финансовых работников и др. – этот и некоторые другие финансово-экономические термины имеют сейчас более разветвленную систему значений, не всегда фиксируемую не только общими словарями, но и специальной справочной литературой; см. об этом в работе [Труфанова 2006].

столько же, сколько их у слова *дефицит*. Вместо того, чтобы выражаться описательно, длинно: *превышение расходов над доходами, превышение доходов над расходами* – употребляют однословные и соотносительные по значению термины *дефицит* и *профицит*. Разумеется, использование этих терминов уместно прежде всего в специальных текстах, во вторую очередь – в прессе, когда обсуждаются экономические проблемы. А в обыденной речи мы можем обойтись и без этих специальных терминов.

Инвестор, инвестиции, инвестировать

Слово *инвестор* пришло в русский язык не в одиночку, а вместе с однокоренными *инвестировать*, *инвестиции*. В качестве источника этих слов словари указывают немецкий язык, где они были образованы от латинского глагола *investire* 'облачать, одевать'. *Инвестициями* называют долгосрочные вложения капитала в какое-либо предприятие, дело, а также сам такой капитал. Современные газеты пишут о сокращении иностранных *инвестиций* в российскую промышленность, о том, что кое-что в нашей стране не устраивает западных инвесторов, и поэтому они не хотят *инвестировать* свои денежные средства в те или иные российские предприятия так же активно, как они делали это раньше, когда *инвестиционный* климат был для них более благоприятен. Широкое употребление всех этих слов объясняется внеязыковыми причинами: раньше, два-три десятилетия тому назад само понятие иностранных инвестиций не было актуальным (да при советской власти оно было попросту невозможным). С началом же перестройки и в последующие годы российские власти, напротив, стали привлекать западных предпринимателей, предлагая им вкладывать свой капитал в русский бизнес на выгодных для вкладчиков условиях.

Надо сказать, что некоторые из перечисленных слов с корнем *инвест* – не такие уж новые для русского языка. [Современный словарь... 2000] указывает, что глагол *инвестировать* и однокоренные с ним слова *инвестор*, *инвестиция* были заимствованы русским языком еще в начале XX в. Слова *инвестировать* и *инвестиция* зафиксированы в первом томе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935 г.). Но при этих словах стоит помета «экон.»⁶. Эта помета сопровождает указанные слова и в более поздних словарях – например, в четырехтомном академическом [МАС]. И только в конце XX в. термины с корнем *инвест* покидают узкие рамки профессионального словоупотребления экономистов и начинают употребляться в общелитературном языке.

К собственно заимствованным словам *инвестиция* (от нем. *Investition*), *инвестировать* (от нем. *investieren*), *инвестор* (от нем. *Investor*) добавляются и их производные: *инвестиционный*, *инвестирование*, *инвесторский*; появляются устойчивые наименования и употребительные словосочетания с участием этих слов (*инвестиционный банк*, *инвестиционный фонд*, *клуб частных инвесторов*, *политика инвестирования* и др.). Всё это свидетельствует об освоении слов с корнем *инвест*-современным русским языком, главным образом книжной его разновидностью, и о широкой употребительности их в официально-деловом и публицистическом стилях литературной речи. Так же, как в случаях со словами *бартер* и *брокер*, невозможна простая замена этих слов русским словосочетанием *вложение капитала*, поскольку, во-первых, это – дву-словное наименование (а ему обычно предпочитается наименование однословное), и, во-вторых, в значении словосочетания *вложение капитала* нет указания на то, какого рода вложения имеются в виду (ср. такие компоненты приведенных выше толкований слов с корнем *инвест*-, как 'долгосрочный', 'в предприятие, в экономику'). Значит, и эти слова, пришедшие в общее употребление из словаря экономистов, имеют все шансы укрепиться в нашем языке.

⁶ Несколько раньше слова *инвестирование*, *инвестиция* были зафиксированы в [СИС 1933], и при этом без указания на сферу употребления этих терминов. Однако в этом словаре и другие экономические термины не снабжены соответствующей пометой.

Немаловажен и такой фактор, влияющий на судьбу рассмотренных слов: и *бартер*, и *брокер*, и слова с корнем *инвест* – по существу интернациональны, они известны и понятны говорящим на многих современных языках. А принадлежность того или иного слова к общему, международному лексическому фонду часто облегчает ему укоренение и в каждом конкретном национальном языке (в данном случае – в русском).

Тенденция к замене неоднословных наименований однословными и фактор интернациональности играют существенную роль при освоении языком и других слов и терминов, принадлежащих к иным тематическим группам. Это касается и таких иноязычных лексем, которые на первый взгляд кажутся явно дублирующими значения единиц, уже существующих в языке. Одно из таких слов – *бренд*, весьма употребительное в современных средствах массовой информации и в рекламе.

Бренд

Слово заимствовано из английского языка, где *brand* имеет значение 'клеймо; фабричная марка'. Примерно то же значение и у заимствования: *бренд* – это торговая марка предприятия, играющая роль рекламы этого предприятия. Нынешние деловые люди говорят *ораскрученных брендах* (тут иноязычное – в смеси с жаргонным: *раскрутить бренд* на языке наших бизнесменов означает продвинуть какое-либо предприятие и его товар на рынок и сделать популярной саму марку этого предприятия⁷). Произносится это слово с твердым согласным «р»: [брэнд].

Возникает вопрос: а зачем нам это новое заимствование, когда есть старые – и свои, и иноязычные слова с близкими значениями: (*товарный*) *знак*, *клеймо*, *марка* (нем. *Marke*), *ярлык* (пришедшее из тюркских языков: ср. турецкое *jarlyk* 'султанский указ, грамота'), *этикетка* (от фр. *étiquette*)? А еще есть недавно заимствованное *лейбл* (от англ. *label*) – 'торговый знак фирмы-изготовителя в виде яркой наклейки (например, на одежде)'. Почему язык допускает такую множественность обозначений практически одного и того же предмета?

Если мы внимательно присмотримся к перечисленным словам, то обнаружим, что они не вполне дублетны, то есть не полностью совпадают по смыслу и по сферам употребления. Клеймо, например, ставят не только на товар, но и на тело животных (а в давние времена и рабов клеймили); это слово употребляется также переносно в значении 'неизгладимый след чего-либо постыдного, позорящего' (напр., *клеймо позора*, *клеймо предателя*). Другие слова из перечисленного выше ряда таким значением не обладают. У слова *ярлык*, правда, помимо прямого смысла ('листок на каком-л. изделии, товаре с наименованием этого изделия, товара или сведениями о нем', как определяется это значение слова *ярлык* в [СОШ 1997]), – есть и переносный, но иной, чем у слова *клеймо*, смысл: 'шаблонная, обычно отрицательная краткая характеристика кого или чего-либо, чаще всего несправедливая'. Слово *знак* имеет слишком общее значение, и поэтому применительно к товарам, изделиям оно снабжается определением *товарный*.

Марка – это не только сам товарный знак, но и сорт изделия (напр., *новая марка стали*) – такого значения нет у других анализируемых слов. Слово *бренд* называет рекламный товарный знак: об этом свидетельствует компонент толкования '...играющая роль рекламы этого предприятия' (см. выше). Этого смыслового компонента нет у других слов. *Лейбл* – это яркая наклейка, преимущественно на одежде, не содержащая ничего, кроме названия самой фирмы, выпускающей эту одежду, а *этикетка*, помимо указания на выпускающее данный товар пред-

⁷ Тексты современных газет и журналов свидетельствуют о широкой употребительности этого термина и об активном образовании словосочетаний на его основе. Так, в Национальном корпусе русского языка (адрес в Интернете: ruscorpora.ru) зафиксированы контексты, в которых встречается не только само слово *бренд*, но и такие словосочетания, как *бренд года*, *бренд-менеджмент*, *бренд-билдинг*, *бренд-дизайн*, *бренд-консалтинг*, *бренд-лидерство*; *бренд* создают, *выстраивают*, *продвигают* на рынок, *раскручивают*, он может быть *мировым*, *национальным*, *местным*, *именным*, *готовым*, *ходовым*, *сильным*, *честным*, *эксклюзивным* и т. п.

приятие, может содержать еще и какие-либо сведения – например, о сроке годности, о цене, о способах использования продукта и т. п.

– Так это то же самое, что *ярлык!* – вправе воскликнуть внимательный читатель. И будет почти прав. Почти – потому что слова *этикетка* и *ярлык*, при явной близости их значений, всё же различаются – сферами использования, сочетаемостью с другими словами: ярлыками снабжаются не только товары, но и, например, вещи, сданные в багаж, поэтому мы можем сказать *багажный ярлык* (но не **багажная этикетка*); ярлыки не только *приклеиваются*, но и *навешиваются* – отсюда и отмеченное выше переносное употребление этого слова (сказать же: *Давай навесим этикетку* едва ли можно – большинство говорящих по-русски предпочтет здесь глаголы *приклеим* или *прикреем*).

Из всего сказанного следует вывод: каждое из слов перечисленного нами ряда имеет некоторое своеобразие в своем значении и этим отличается от других слов; поэтому язык и не освобождается от наименований, которые только на первый взгляд кажутся полностью синонимичными. Возможно, в дальнейшем и произойдет вытеснение какого-либо из этих наименований. Но пока все рассмотренные нами слова имеют право на существование и употребление в нашей речи.

Клипмейкер

Это новомодное, английское по происхождению слово состоит из двух частей: *клип*– и *-мейкер*. *Клип*, или *видеолип* (еще один иностранец!), как свидетельствуют словари иностранных слов, – это «короткий телевизионный сюжет, состоящий из эстрадной песни, сопровождаемой специально смонтированным изображением, часто с применением компьютерной техники; используется также как средство рекламы» [Крысин 2005: 164].

В английском языке существительное *clip* значит 'газетная вырезка; фрагмент фильма' и происходит от глагола *to clip* 'отсекать, отрезать'. А вторая часть слова *клипмейкер* – от английского глагола *to make* 'делать, создавать'. Стало быть, *клипмейкер* – это человек, который делает клипы, создатель клипов. Этот род деятельности появился у нас сравнительно недавно и, несомненно, под влиянием Запада, о чем свидетельствует и само заимствованное слово. По-русски этот род занятий и того, кто к нему причастен, обозначить трудно. Правда, в русском языке есть слова со второй частью *-дел*, образованной от глагола *делать*, которые обозначают лиц по профессии. В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка [Зализняк 2003] таких слов шесть: *винодел*, *ковродел*, *маслодел*, *сукнодел*, *стеклодел*, *сыродел* (плюс *бракодел*, которое содержит в своем значении отрицательную оценку). Почему бы не образовать по этой модели слово *клиподел*?

Не получится. И вот почему.

Во-первых, слово пришло к нам вместе с самой профессией, а в случаях, когда слово заимствуется вместе с новой вещью или новым понятием, вероятность укоренения его в языке весьма высока (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 22 и сл.]). Во-вторых, слова со второй частью *-дел*, как легко видеть, образованы от русских именных основ (*вин-о*, *ко-в(ё)р*, *масл-о*, *сукн-о*, *стекл-о*, *сыр*) – в слове **клиподел* она была бы иноязычной. В-третьих, приведенные слова обозначают старые и исконные для России профессии. В-четвертых, в языке редко сохраняются слова, образованные намеренно, в противовес каким-то иным, неприемлемым по тем или иным причинам (вспомним знаменитые *топталитце* вместо *тротуар*, *ячество* вместо *эгоизм*, не прижившиеся в нашем языке, несмотря на прозрачность их словообразовательной структуры). Так что придется смириться с еще одним иноязычным неологизмом – словом *клипмейкер*, которое обозначает специалиста по производству видеоклипов.

Добавим к этим аргументам еще один. Вторая часть слова *клипмейкер* (*-мейкер*) встречается и в некоторых других недавних заимствованиях из английского⁸, правда, ограничен-

⁸ Эта морфема в несколько ином фонетическом облике присутствует и в давнем заимствовании букмекер – от англ. book

ных в своем употреблении определенной профессиональной средой: *имиджмейкер* (буквально: «создатель имиджа, образа», то есть специалист по созданию имиджа кого-либо – политика, артиста и др.), *нюсмейкер* (буквально: «создатель новостей»; в русском языке значение этого слова еще не вполне устоялось: это либо 'тот, кто в определенный момент становится объектом внимания журналистов как представляющий интерес для читателей и зрителей' [Крысин 2005: 532], либо 'журналист, работающий в области создания новостных программ', либо и то и другое [НСИС 2003: 437]. В последнее время появился спортивный термин *плеймейкер* (буквально: «делатель игры», то есть тот, кто своими умелыми, мастерскими действиями – например, при игре в футбол, баскетбол и др. – инициирует определенные тактические ходы и комбинации, приносящие успех команде); ср. следующие примеры:

Второго Зидана нет и быть не может, но второй плей-мейкер международного класса у сборной, претендующей на чемпионство, должен быть (Д. Навоша. Франция в опасности. Чемпион мира проигрывает Сенегалу в матче открытия // «Известия», 31.05.2002)

Основной плеймейкер аргентинцев Санчес вместе с серебряными медалями выиграл себе контракт в НБА (Д. Навоша. Семь цветов баскетбольного времени. Самые яркие краски чемпионата мира // «Известия», 09.09.2002); примеры из Национального корпуса русского языка⁹.

На наших глазах *-мейкер* превращается в словообразовательную морфему, своего рода суффикс, с помощью которого образуются слова и от русских корней, хотя такие слова и имеют явно выраженный шутливый оттенок: ср., например, популярное среди газетчиков слово *слух-мейкер* – о том, кто распускает слухи.

Интроверты и экстраверты

Эти слова – термины, употребляющиеся в психологии. *Интроверт* – это человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире (об этом свидетельствует первая часть слова, восходящая к латинскому *intro* 'внутри, внутрь'), с трудом устанавливающий контакты с окружающими. А *экстраверт*, напротив, – человек, в своих переживаниях и интересах обращенный к внешнему миру, легко устанавливающий контакты с окружающими (на это указывает часть *экстра-*, восходящая к латинскому слову *extra*, которое в одном из своих значений соответствует русскому предлогу *вне*).

Специальные терминологии вообще и в частности терминология, используемая психологами, во множестве содержат иноязычные по происхождению элементы: с помощью заимствованного слова можно точно назвать какое-либо специальное явление, в то время как использованию в этом качестве исконного слова мешает тот факт, что такое слово может иметь определенный (но другой, не терминологический) смысл в общеупотребительном языке.

Примеров масса. Так, в электротехнике существуют *трансформаторы*, хотя это слово почти точно переводится русским *преобразователь*; астрономы говорят об *орбитах* планет, хотя *orbita* по-латыни – то же самое, что по-русски *колея*. Авиаконструкторам и летчикам хорошо известно явление под названием *флаттер*, что в буквальном переводе с английского значит *трепетание*, – разумеется, в авиационной терминологии в качестве обозначения неуправляемой вибрации летательного аппарата во время полета прижилось иноязычное наименование, а не русское отчасти поэтическое, отчасти устарело-книжное слово *трепетание*. Хирурги перед операцией проводят *анестезию* (больного органа или всего организма), и это точнее передает необходимый смысл, чем русское *обезболивание*: при анестезии, как правило, используются определенные обезболивающие средства, а в значении слова *обезболивание* такой смысловой компонент не обязателен (например, знахари могут обезболивать орган или организм заговорами, не применяя никаких химических веществ).

⁹ 'запись ставок на скачках' (одно из значений многозначного слова *book*) и *to make* 'делать'.

⁹ В Национальном корпусе русского языка зафиксировано также окказиональное слово *вирусмейкер* – программист, который заражает вирусами компьютерные программы; ср.: – Программа портит загрузочные файлы, дописывая к ним лишние строки, – раскололся *вирусмейкер* (В. Пресняков. Говорит и показывает Москва // «Столица», 26.08.1997).

Иноязычные слова *интроверт* и *экстраверт* – тоже примеры подобного «специализирующего» использования заимствованной лексики в качестве терминов. Эти слова обладают и еще одним немаловажным свойством: каждое из них называет то, что по-русски может быть выражено только описательным оборотом (у них нет однословных русских соответствий). Каждое из них по форме и по смыслу соотносено с терминами, называющими сами психические явления, – *ин-троверсия* (сосредоточенность человека на собственном внутреннем мире, сопровождаемая затруднениями в установлении контактов с окружающими) и его антонимом *экстраверсия*.

Наше время характеризуется активным вторжением специальной терминологии в общепотребительный язык, даже в повседневный быт. Многие ли из нас до августа 1998 года знали, что такое *дефолт*? Известно ли было лет 20-30 тому назад обычному человеку – не экономисту и не банковскому служащему, – что такое *бартер*, чем занимается *брокер*, для чего нужна *ипотека*? А теперь эти экономические и финансовые термины у всех на слуху. Заметим, что и термины других наук и профессий могут становиться известными неспециалистам и если и не входить в наш быт, то всё же требовать каких-то разъяснений по поводу особенностей своего значения и употребления в речи. *Интроверт* и *экстраверт* – одни из таких терминов: их можно встретить не только в специальной психологической литературе, но и, например, в газетной статье, услышать в телевизионной передаче о здоровье или в радиоочерке об особенностях воспитания детей.

Кастинг

Читая об очередном конкурсе красоты, мы можем узнать, что, прежде чем попасть в число участниц конкурса, девушки проходят *кастинг*. По контексту догадываемся, что это слово обозначает что-то вроде 'отбор, отсеивание', но таково ли значение этого слова на самом деле?

Английское слово *casting*, лежащее в основе этого заимствования, образовано от глагола *to cast*, который буквально значит 'выбраковывать' и первоначально применялся только по отношению к лошадям: перед тем, как быть допущенной к скачкам, лошадь должна была пройти *casting*. Постепенно сфера употребления термина расширилась, и им стали обозначать отбор девушек на конкурсах красоты, при демонстрации новых моделей одежды, актеров – кандидатов на исполнение той или иной роли в фильме или спектакле. В этом расширительном значении слово *кастинг* и было заимствовано русским языком.

– А зачем? – вправе спросить читатель-скептик. – Разве нельзя обойтись всем понятными словами *отбор* или *подбор*, чтобы не засорять русский язык еще одним «чужаком»? Можно. Правда, при этом мы должны сопровождать слова *отбор* и *подбор* разного рода уточнениями: отбор (подбор) девушек для конкурса красоты, отбор (подбор) актеров при съемках фильма и т. д. Это необходимо для того, чтобы отграничить употребление слов *отбор* и *подбор* в этом смысле от других употреблений: можно ведь говорить, например, об *отборе фактов* – из какого-то их множества, об *отборе абитуриентов* при поступлении в институт, о *естественном отборе* в живой природе, о *подборе ключа* к замку, *подборе мелодии* к стихам и т. д. Ни в одном из этих случаев слово *кастинг*, разумеется, не годится. Но если *кастингом* мы обозначаем не всякий отбор или подбор, а специальный, то перед нами классический случай такого разграничения значений «своего» и «чужого» слов, при котором «свое» обозначает нечто более общее по смыслу, а «чужое» закрепляется в качестве специального термина, относящегося к тем или иным сферам профессиональной деятельности. В русском языке можно найти немало лексических пар именно такого рода: *список* – *индекс*, *ограничение* – *лимит*, *всеобщий* – *тотальный*, *отображать* – *проецировать* и мн. др.

Итак, *кастинг* – это отбор или подбор, но не всякий, а «предварительный подбор исполнителей, участников какого-либо шоу (актеров для съемок в фильме, девушек для конкурса красоты, манекенщиков для показа моделей и др.)» [НСИС 2003: 274].

* * *

Примеры иноязычно-русских лексических соответствий, рассмотренные в этом очерке, свидетельствуют о том, что не всякое иноязычное слово может расцениваться как лишнее, как засоряющее родную речь, – во многих случаях заимствование или называет какой-то новый предмет, не имеющий русского наименования, или уточняет какое-либо понятие, или коротко, одним словом называет то, что по-русски можно назвать описательно, с помощью нескольких слов.

Это, конечно, не значит, что иноязычное всегда лучше своего, родного. История русского языка свидетельствует как раз о том, что многие заимствованные слова, бывшие в употреблении, скажем, в XIX веке, бесследно исчезли, и говорящие по-русски нисколько не пожалели об этом. Кто из носителей современного русского языка знает, например, что такое *индигестия*? Что имел в виду Гоголь, когда в «Мертвых душах» писал о даме, с которой приключилось «небольшое *инкомодите*»? Кто такой *супирант*? Какой смысл вкладывали наши предки в слово *суспиция*? И что они имели в виду, когда считали, что театральный актер излишне *фарсирует*? Сейчас не всякий словарь даст нам ответы на эти вопросы, и мы узнаем, что *индигестия* – это несварение желудка, что *инкомодите* означает по-русски просто неудобство, неловкость, что *супирантом* называли поклонника, воздыхателя, а *суспицией* – подозрение, недоверие к кому-либо, что *фарсирующим* называли актера, который достигает комического эффекта чисто внешними приемами игры (см. [Редкие слова 1997]).

Возможно, и кое-какие из слов-иностранных, появившихся в последние десятилетия, канут в безвестность, уйдут из нашего языка. Но коль скоро они употребляются сейчас, и порой весьма часто и в разных сферах общения, мы должны знать, что они значат, как соотносятся с близкими по смыслу русскими словами, как надо правильно писать их и произносить, имеют ли они какую-либо стилистическую окраску, образуют ли производные и т. д. Ответы на эти вопросы носитель языка вправе ожидать от составителей современных словарей.

Иноязычное слово как транслятор иной культуры¹⁰

Среди лексики, заимствуемой каждым языком в тот или иной период его развития из других языков, значительный пласт составляют так называемые экзотизмы – слова, называющие реалии «чужой» жизни. Это могут быть названия объектов природы – деревьев, трав, пород диких и домашних животных, рыб, насекомых и т. п., национальных традиций, особенностей государственного устройства, семейного быта, национальных блюд и напитков, то есть всего того, в чем так или иначе проявляется своеобразие жизни народа и населяемой им территории: ср., например, такие слова, как *араукария*, *бальса* – породы деревьев, растущих в Южной Америке, *сельва* – влажные экваториальные леса в Бразилии, *пиранья* – хищная прожорливая рыба, обитающая в реках Южной и Центральной Америки, *праймериз* – в США: первичное собрание избирателей для выдвижения кандидатов на выборные государственные должности, *хурал* – орган государственной или местной власти в Монголии, *шахсей-вахсей* – религиозная церемония у шиитов, имитирующая страдания Хусейна, одного из потомков Мухаммеда, *якудза* – японская мафия, а также представитель этой мафии, гангстер (более подробно об экзотизмах, их весьма пестрых тематических группах и условиях употребления в речи см., например [Супрун 1958; Крысин 1968: 46–52]).

Границы между экзотической лексикой и «обычными» заимствованиями – то есть словами, семантика и употребление которых не специфичны для той или иной страны (территории), – не жестки. При определенных обстоятельствах экзотизм может превратиться в слово, хотя и сохраняющее признаки иноязычности (что обычно более или менее ясно ощущается говорящими), но именующее реалию, которая прививается в жизни носителей языка-реципиента: ср., например, слова *мэр*, *префект*, *парламент*, *муниципальный*, *спикер* и др., которые до середины 80-х годов XX века были в русском языке на положении экзотизмов, характеризующих политическое и государственное устройство других стран (не СССР и не России). Когда-то, в конце XIX – самом начале XX века слово *футбол* воспринималось носителями русского языка как явный экзотизм, поскольку обозначало спортивную игру, еще не известную в России, а слово *соккер* и сейчас представляет собой элемент экзотической лексики, поскольку называет разновидность футбола, распространенную только в США и некоторых других странах Америки.

Экзотические слова не только называют реалии, не известные носителям заимствующего языка, – они могут нести в своих значениях указание на определенную специфику культуры данного народа, особенности его обычаев, его менталитета. Употребляясь в другом языке, такое слово, обозначая соответствующее понятие, как бы транслирует кусочек иной культуры, адресуя трансляцию людям, не являющимся носителями этой культуры.

Такое указание на культурную специфичность понятия и соответствующего ему слова занимает определенное место в толковании слова – наряду с чисто номинативным (ассертивным) смысловым компонентом, называющим данный объект. От исконных или ранее заимствованных слов языка-реципиента такие экзотизмы отличаются именно этим культурным компонентом, совпадая в компоненте номинативном (ассертивном).

Покажем это на нескольких примерах.

Английское слово *porridge* обозначает овсяную кашу, которую англичане обычно готовят на завтрак. Кажется бы, какая необходимость употреблять в русском тексте слово *поридж*, даже в случае, когда сообщаемое в этом тексте касается жизни в Англии? Так и писали бы: *По утрам англичане едят овсяную кашу*. Но в том-то и дело, что словосочетание *овсяная каша*

¹⁰ Впервые опубликовано в кн.: Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г. П. Мещиенко. Т. 1. М., 2006. С. 106–113.

нейтрально: оно не указывает на то, что в традициях именно англичан, а не вообще людей есть по утрам эту кашу.

Поридж – это часть этностереотипа, приписывающего англичанам такие свойства, как чопорность, холодность, незыблемую верность традициям и т. п. (о понятии этностереотипа и способах его языкового выражения см. [Крысин 2003], а также наст. изд., с. 169-175). Слово *поридж* не просто называет соответствующее блюдо, а сигнализирует об определенном национальном обычае, хотя блюдо, которое ест и англичанин, и русский, может быть абсолютно одинаковым и по составу, и по вкусу.

Еще одно английское слово – *tutor* – в Англии служит для называния домашнего наставника, опекуна (оно и происходит от глагола *to tutor* 'опекать, воспитывать'). Если мы переведем его словами *воспитатель, опекун*, даже добавив определение *домашний*¹¹, и тем самым полностью передадим по-русски ассертивную часть семантики английского слова, такой перевод не будет адекватным: исчезнет указание на особенность именно английского домашнего воспитания и образования. И дело здесь не в том, что в русском семейном быту сейчас, в отличие от XIX века, нет домашних опекунов как определенного социального института (хотя некоторые состоятельные семьи могут это себе позволить), – даже если бы такая традиция возродилась, соответствующее лицо едва ли получило бы название *тьютор*: слишком ярка в нем национальная «английская» окраска, прикрепленность к английской семейной традиции¹².

Слово *кильт* (в иной форме *килт*) обозначает мужскую юбку – элемент шотландской национальной одежды. Указание на национальное своеобразие этого вида одежды является культурным компонентом значения слова.

Подобные указания на национальную специфичность предметов материальной культуры есть у слов ряда тематических групп:

- названия одежды: *аба* 'мужская распахная одежда в виде длинного плаща из верблюжьей шерсти у народов Ближнего Востока' (аба – характерный элемент одежды бедуинов), *айшон* 'женский головной платок у удмуртов', *аракчин* 'мужская тубетейка у персов', *беишет* 'мужская распахная одежда у народов Средней Азии и Кавказа', *бурнус* 'верхняя мужская одежда у народов Ближнего Востока и Северной Африки', *галабея* 'широкая мужская рубаша у народов Северной и Центральной Африки', *гатъя* 'широкие мужские полотняные штаны у венгров', *гусъ* 'мужская верхняя меховая (мехом наружу, с капюшоном) одежда у манси и ненцев', *дхоти* 'мужская одежда у народов Южной и Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, прикрывающей бёдра, конец которой пропускается между ног', *кебая* 'женская кофта у народов Индонезии', *кенте* 'мужская широкая длинная рубаша у народов Западной Африки', *койлек* 'женское платье-рубаша у народов Средней Азии и Поволжья', *сари* 'индийская женская одежда из куска ткани, обертываемого вокруг тела', *саронг* 'мужская и женская одежда у народов Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, обертываемой вокруг тела и доходящей до щиколоток', *сая* 'распахная женская одежда у болгар и македонцев', *ципао* 'женская распахная, со стоячим воротником одежда у китайцев', *чепан* 'стеганный халат без пуговиц у народов Средней Азии' и др.;

- названия жилищ: *алачик* 'войлочный шатер эллиптической формы у тюркоязычных народов Передней Азии', *вигвам* 'куполообразная или коническая хижина из жердей, покры-

¹¹ Наиболее близким – но не тождественным – по смыслу однословным эквивалентом было бы устаревшее *дядька*, которое В. И. Даль определяет как «[человек], приставленный для ухода или надзора за ребенком, пестун» [Даль 1955: 512]; в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова ему дается такое толкование: «Слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье (истор.)»; при этом обращает на себя внимание рестриктивный компонент '(приставленный) к мальчику', которого, по-видимому, нет у английского *tutor* (во всяком случае, английские толковые словари его не отмечают).

¹² Кроме того, в словесном арсенале русского языка есть французское по происхождению слово *гувернёр* с близким значением, и в случае необходимости скорее всего возродится оно, так как традиция употребления этого слова в русском языке XIX века сняла с него ауру экзотичности, отнесенности только к французскому семейному быту, приспособив для обозначения иностранца – воспитателя детей в дворянских семьях.

тых корой или кожей, у индейцев Северной Америки', *викуна* 'хижина из ветвей у апачей', *голомо* 'коническое жилище, утепленное землей и дерном, у народов Севера', *иглу* – 'куполообразная хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит', *истаба* 'жилое помещение у латышей', *кор* 'дом-крепость у сванов', *сакля* 'тип жилища у горцев Кавказа с каменными, глинобитными или саманными стенами и плоской крышей', *фанза* 'тип жилища у китайцев на каркасе из деревянных столбов', *чум* 'переносное жилище северных народов в виде шатра конической формы, покрытого шкурами, войлоком, корой и т. п.', *юрта* 'переносное жилище у народов Центральной и Средней Азии в виде конического или куполообразного деревянного каркаса, покрытого войлоком', *яранга* 'переносное жилище у народов северо-востока Сибири в виде конического деревянного каркаса, покрытого оленьими шкурами' и др.;

- названия блюд и напитков: *айран* 'напиток из кислого коровьего молока у народов Средней и Передней Азии, Сибири и Кавказа', *беибармак* 'мясное блюдо у народов Средней Азии в виде кусочков баранины с мучной приправой', *бигос* 'блюдо из тушеной капусты у поляков', *бозбаш* 'мясной соус у народов Кавказа', *говурма* – 'заготовленная впрок баранина, жаренная в сале, у народов Ближнего Востока', *гу-аро* 'водка из сахарного тростника у народов Центральной Америки', *гутаб* 'пирожки с мясом и зеленью у народов Средней Азии и Кавказа', *долма* 'род голубцов, обернутых в виноградные листья, у народов Кавказа и Ближнего Востока', *казы* 'колбаса из конины у народов Средней Азии и Поволжья', *кебаб* 'жаркое у народов Кавказа и Передней Азии', *курут* 'вид сыра у скотоводческих народов Азии', *мате* 'тонизирующий напиток у народов Южной Америки', *хинкали* 'род крупных пельменей у народов Кавказа и Передней Азии', *шорва* 'мясной суп у азербайджанцев' и др.

Компонент значения, указывающий на национально-культурную специфику обозначаемого, содержат и слова, называющие объекты, относящиеся к духовной культуре народов:

- названия музыкальных инструментов: *авлос* 'тростниковая флейта у греков', *ангклунг* 'ударный музыкальный инструмент у народов Индонезии', *гиджак* 'струнный музыкальный инструмент у народов Средней Азии', *дутар* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Средней и Передней Азии', *зурна* 'деревянный духовой музыкальный инструмент у народов Кавказа', *кеманча* 'струнный смычковый музыкальный инструмент у народов Кавказа и Передней Азии', *кобза* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у молдаван и румын', *ребаб* 'двухструнный музыкальный инструмент у арабов', *саз* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Кавказа и Передней Азии', *сямисэн* 'японский струнный щипковый музыкальный инструмент с тремя струнами', *танбур*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.